

Гребень Е.А.

**ДОКУМЕНТЫ ПО ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ПЕРИОДА ГЕРМАНСКОЙ ОККУПАЦИИ 1941–1944 ГГ.
В ФОНДАХ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Документы по истории Беларуси периода Великой Отечественной войны хранятся в Национальном архиве Республики Беларусь и в шести государственных областных архивах. Фонды Национального архива Республики Беларусь представлены документами движения Сопrotивления (Белорусский штаб партизанского движения, Центрального Комитета Коммунистической партии большевиков Беларуси, ЦК Ленинского коммунистического союза молодежи Беларуси) и документы оккупационных властей (рейхскомиссара Остланда, подразделений генерального комиссариата Беларуси, командования тылом группы армий «Центр», силовых структур). Документы высших органов оккупационной власти дают возможность реконструировать политику немецких властей в Беларуси в целом, но если задачей исследователя является реконструкция оккупационных реалий в конкретном регионе, то документы НАРБ, как правило, содержат фрагментарную информацию. Локальная история периода нацистской оккупации Беларуси относительно подавляющего большинства районов может быть реконструирована на основе фондов государственных областных архивов, в которых хранятся документы местной вспомогательной администрации (окружные, городские, районные и сельские управы и подчиненные им предприятия и учреждения) [1].

Необходимо учитывать, что информация относительно различных районов сохранилась крайне неравномерно. Если относительно крупных городов, таких как Витебск, Могилев, Минск, Брест, Гродно, Бобруйск, отдельным районам (Браславский, Борисовский, Клецкий, Лепельский) всех областей сохранилось огромное количество документов местной администрации и предприятий и учреждений, можно достаточно полно реконструировать картину оккупационной повседневности. По ряду районов документы сохранились лишь в незначительном количестве либо они относятся к какому-либо подразделению местной вспомогательной администрации, например, полиция Городокского района, Добрушский мировой суд. При этом документы конкретного фонда могут быть слабо применимы для исследования в виду неудовлетворительной сохранности (угасающий текст). По ряду районов информация в областных архивах может отсутствовать. Документы могли быть утрачены в ходе боевых действий, уничтожены партизанами в ходе разгрома волостных администраций либо оказались за пределами Беларуси [1].

В такой ситуации исследователь вынужден выявлять отдельную информацию по интересующему его району в документах немецкой оккупационной администрации. В то же время в фонде БШПД в НАРБ, помимо огромного количества документов партизан, хранится комплекс документов оккупационных и коллаборационных структур, относящихся к ряду районов Беларуси. В ходе атак партизан на подразделения местной вспомогательной администрации ее документация уничтожалась не всегда, а рассматривалась как важный источник информации о положении на оккупированной территории и анализировалась в БШПД. В послевоенные годы, вопреки территориальному принципу хранения документов местных органов власти, эти документы вместе с комплексом документов БШПД поступили на хранение в нынешний Национальный архив Республики Беларусь. В основном это документы германских комендатур, районных и волостных управ, характеризующие сельскую повседневность. Доля документов городской администрации незначительна, поэтому таковые в статье не рассматриваются.

Один из блоков документов характеризует систему контроля гражданского населения, в частности, процесс регистрации, в частности, справки, выданные местной администрацией, удостоверяющие личность, распоряжения об учете конкретных категорий граждан [10, л. 130]. Например, учет в 1942 г. кустарей на основании распоряжения гомельской комендатуры для контроля над ремесленной деятельностью и недопущения работы граждан без патента [11, л. 222].

Помимо информации о количестве жителей, наличии трудовых ресурсов в конкретном районе, регистрация позволяла выявить неблагонадежные для оккупантов категории граждан. Так, Езерицанская районная управа потребовала от граждан мужского пола от 15 лет и старше пройти регистрацию в срок до 25 апреля 1942 г., отмечая, что явившиеся будут рассматриваться как благонадежные, не имеющие связи с партизанами. Не сохранилось документов, иллюстрирующих успешность акции, но можно предположить, что вряд ли местные жители стремились выполнять распоряжение, поскольку в документе сообщалось, что явившиеся на регистрацию мужчины в возрасте 16 – 45-ти лет будут привлечены к общественным работам на 7 – 10 дней, и «после умиротворения поименованных волостей отпущены домой с соответствующими документами». Очевидно, оккупационные власти стремились взять под контроль людские ресурсы и не допустить пополнения местными мужчинами партизанских отрядов [2, л. 76]. Свидетельством провала намерений властей стало воззвание к населению от 12 мая 1942 г. за подписью германского коменданта, начальников рай-

онной управы и полиции. В нем констатировалось наличие в районе трех партизанских отрядов, и транслировалось требование к мужчинам в возрасте 18 – 45-ти лет (а также изъявившие желание сдать партизаны) явиться на переучёт и для получения документов. Не явившиеся до 20 мая рассматривались как сочувствующие партизанам [16, л. 95]. На отдельный учет волостными администрациями также брались не местные уроженцы [6, л. 119, 119 об.].

Оккупационными властями велся розыск подозрительных лиц, например, заброшенных из-за линии фронта советских диверсантов, как это видно из письма начальника полиции Кировского района начальнику полицейского участка. Последнему предписывалось произвести розыск десантированной с парашютом в район женщины (указывались приметы, одежда, наличие оружия, имя) [10, л. 7].

В административной переписке содержатся материалы, касающиеся отпуска советских военнопленных из концентрационных лагерей (выдача соответствующего свидетельства, порядок регистрации по месту жительства, регламентация размещения беженцев и военнопленных, передвигающихся по территории общины), требования скрывающимся красноармейцам-окруженцам добровольно сдать [14, л. 50; 4, л. 14; 9, л. 36]. В административной переписке Городокского района в разное время содержались требования оккупационных властей запретить собрания граждан (в том числе танцевальные вечера) [4, л. 107]. Запрещалось также передвижение по деревням торговцам, ремесленникам и людям, просящим подаяние. Фактически любой не местный житель рассматривался оккупантами как подозрительный [4, л. 50].

Отдельные документы характеризуют пенитенциарную систему нацистов. Так, в 1943 г. главам местной администрации было доведено распоряжение немецких властей о порядке освобождения отбывающих наказание граждан. В частности, отбывающих наказание на торфозаводах предписывалось отпускать 1 и 15 числа каждого месяца независимо от даты окончания срока заключения [3, л. 80]. За самогонование виновных предписывалось наказывать 14-ю днями ареста (и смертной казнью в случае рецидива) и лишением продуктов питания на период, сколько бы они могли прожить, используя картофель, потраченный на производство самогона [13, л. 70]. В объявлении за подписью чечерского ортскоменданта сообщалось о расстреле ряда граждан за связь с партизанами, хранение оружия, саботаж распоряжений оккупантов, а также высказывались угрозы наказания за невыполнение распоряжений старосты деревни и волостного бургомистра о выходе на работу (вывоз дров, расчистка дорог) [11, л. 259].

Ряд документов иллюстрирует мероприятия оккупантов по борьбе с партизанами. В разных регионах, помимо районной полиции, сил которой не хватало для эффективной нейтрализации партизан, в помощь ей назначались дежурные из числа местных жителей (по два в населенном пункте), обязанностью которых являлось дежурство в деревне по ночам, оповещение полиции о появлении посторонних лиц [11, л. 65; 4, л. 131, 135].

Масштабы партизанской активности вынудили оккупационные власти ввести запрет (приказ ортскомендатуры Чечерска от 4 июня 1942 г.) на использование населением лодками, поскольку партизаны пользуются ими под видом рыбаков. Также вводился запрет на лов рыбы по всему Чечерскому району, за исключением района переправы (очевидно, хорошо охранялась) [11, л. 205]. Вопрос рыболовства затрагивался в распоряжении начальника Чечерского района от 25 апреля 1942 г. и 16 мая 1942 г. Население оповещалось о том, что разрешение выдается только «взрослым и политически надежным гражданам, имеющим удостоверения на право рыбной ловли», а также о правилах осуществления лова [11, л. 241, 287].

Согласно распоряжению оккупационной администрации местные жители принуждались собирать оставшиеся на полях сражений оружие, боеприпасы и военную амуницию. Одно из первых мероприятий оккупантов было разоружение населения. Комендант Городокского района 19 августа 1941 г. под угрозой смертной кары потребовал от гражданского населения сдать все имеющиеся на руках оружие, включая охотничьи ружья [4, л. 7]. Следующим шагом оккупантов было требование собрать всю военную амуницию и обмундирования. Очевидно, такие требования оккупантов были тщетными, поскольку в письме городокской районной управы главе Войханской волости констатировалось отсутствие сбора амуниции и обмундирования и высказывалась угроза лишения волостного бургомистра должности [4, л. 73]. Полиция проводила обыски у граждан [13, л. 130]. Оккупационные власти также ввели запрет под (угрозой лишения свободы до одного года) на продажу или обмен предметов военного обмундирования на рынках [16, л. 121].

Волостные бургомистры несли персональную ответственность (давалась подписка) за сбор и сохранность собранного и обязывались ежедневно отчитываться перед комендатурой [15, л. 42–54]. Рядовые граждане могли принуждаться также давать подписку об отсутствии у них на руках оружия [15, л. 55]. Порой данное требование обыгрывалось неожиданным образом, например, заботой о детях. Так, пропойское районное управление со ссылкой на комендатуру 23 июня 1942 г. предписало волостным бургомистрам организовать сбор предметов военной амуниции, чтобы дети не подбира-

ли предметы военного назначения и не получали травм в результате взрывов. В дальнейшем во всех подобных несчастных случаях ответственность возлагалась на родителей, обязанных держать детей под надзором [13, л. 57]. Кроме того, волостным администрациям предписывалось своими силами производить разминирование территории или хотя бы маркировку мин, поскольку имели место неоднократные подрывы людей [13, л. 80].

Саботаж требований немцев имел следствием суровое наказание. Например, в обращении кормянской ортскомендатуры к населению района 29 декабря 1941 г. сообщалось об обнаружении у 16 и 17-летних жителей д. Новоселки оружия, за что они был приговорен к расстрелу [11, л. 157]. Житель Ланьковской волости в своем заявлении германскому коменданту в марте 1943 г. пытался оспорить решение белыничского суда, покарвавшего его штрафом в 1000 руб. за детонацию запала от гранаты, принесенного детьми [14, л. 383, 383 об.].

Практика выдачи главой администрации расписки имела место и относительно сбора теплой одежды для вермахта. Подобная практика была вызвана злоупотреблениями глав местной администрации, манипулировавшими собранными предметами, поэтому в подписке содержалось обязательство «не обменивать собранную одежду, раздавать другим лицам и прочее» [15, л. 20 – 27, 32].

Документы местной администрации иллюстрируют стремление оккупационных властей переключить обеспечение советских военнопленных на гражданское население. Так, Чечерская районная управа распорядилась собрать и доставить в г. Чечерск на склад районного комитета помощи военнопленным 351 кг картофеля, 88 кг ржи или ячменя для обеспечения военнопленных лагеря в Гомеле не позднее 1 июля 1942 г. [12, л. 260]. В ноябре 1942 г. сбор продуктов питания для узников витебского концлагеря проводился среди сельских жителей Городокского района [8, л. 3]. Могилевское районное управление инициировало сбор нательного белья для раненых советских военнопленных, находящихся в лазаретах [3, л. 130]. Обеспечение отпущенных из лагерей военнопленных-инвалидов также возлагалось на сельские общины [3, л. 375; 16, л. 56].

Крах германского блицкрига, неудачи вермахта под Москвой, неготовность к войне в сложных климатических условиях вынудили оккупантов использовать для снабжения вермахта материальные ресурсы жителей оккупированной Беларуси. За счет местных жителей происходило обеспечение солдат вермахта и местной полиции. В 1941 – 1942 гг. у местного населения изымались лыжи, валенки, требовалось сдать белье, скатерти и т.д. для изготовления маскировочных костюмов, требовалось изготовить шерстяные перчатки и вязаные наушники, для нужд полиции собирались теплая одежда и обувь [3, л. 31; 10, л. 2; 4, л. 66, 118].

Наиболее значительный пласт документов характеризует социально-экономическую ситуацию на оккупированной территории, формы и методы эксплуатации населения.

Ряд документов описывает процесс распределения и лимитирования продуктов питания, снабжения продуктами городов: в частности, распоряжение немецких властей относительно снабжения граждан, проживавших в деревнях, но не являвшихся до войны членами колхозов (предписывалось снабжать продуктами по нормам городского населения), обеспечение горожан за счет конкретных сельских общин, недельные нормы выдачи продуктов питания для горожан [16, л. 34; 2, л. 27; 10, л. 143].

Оккупационные власти уделяли внимание регламентации содержания скота. Был введен запрет на самовольный убой без санкции местной администрации. Например, могилевское районно-городское управление объясняло данную меру сокращением поголовья скота в районе, якобы, из-за слухов об изъятии скота у владельцев, вследствие чего последние предпочитали произвести не вынужденный убой животных [3, л. 398]. Резкое сокращение поголовья скота и птицы происходило и вследствие самовольных реквизиций (под угрозой оружия) у крестьян солдатами вермахта. Масштабы мародерства вызывали негодование даже у глав немецких комендатур, угрожавших виновным наказанием. Так, в приказе минской фельдкомендатуры от 19 августа 1941 г. сообщалось, что в одном из колхозов под Минском стадо сократилось со 120 до 50 коров. Разумеется, оккупационных чиновников беспокоили не сами факты изъятия у местных жителей, а несанкционированный характер, при котором мясо не использовалось максимально эффективно, а шкуры животных вообще пропадали [2, л. 20 – 21]. О том же говорилось в приказе полоцкой фельдкомендатуры от 5 октября 1941 г. В нем отмечалось, что за подобное самовольство военнослужащим было вынесено ряд приговоров с общим наказанием на 114 месяцев ареста 4 недели домашнего ареста, трое мародеров были разжалованы. На момент опубликования приказа восемь случаев мародерства (некоторые отягощенные подделкой документов) находились в стадии расследования [2, л. 30 – 31].

Множество документов характеризуют натуральные налоги, доведенные оккупационными властями крестьянам, в частности, нормы на поставку конкретных продуктов для общин и конкретных хозяйств, акты, расписки о хранении картофеля до весны в счет госпоставок, охранные расписки крестьян на выданный им из общинного стада скот, списки недоимок, планы и оценки хода подго-

товительных мероприятий перед посевной кампанией [12, л. 258; 3, л. 10, 10 об.; 13, л. 82, 295; 9, л. 30; 6, л. 61, 62, 68123, 126, 73, 57, 58, 180 – 184, 50, 51, 54 – 55, 139; 8, л. 39]. Например, петриковское городское управление в августе 1942 г. требовало от волостных управ организовать сдачу птицы из расчета 3 кг с каждого крестьянского хозяйства (не менее 1/3 квоты должны были составлять гуси и утки). При этом отмечалось, что сдавать не следует птицу 1941 – 1942 годов рождения, кроме молодых петухов (сохранялось поголовье кур-несушек) [6, л. 59].

До сведения крестьян (под расписку) доводилось, что невыполнение сдачи зерна будет иметь следствием изъятие всего хлеба и скота, а недоимщик будет передан в жандармерию [6, л. 74]. Жесткость действий оккупантов в ходе сбора натуральных налогов иллюстрирует директива начальника Бегомльского района старосте д. Кветча (октябрь 1942 г.). Крестьянской общине доводился план поставок продуктов (2280 кг ржи, 1900 кг овса, 2280 ячменя, 304 кг пшеницы, 13821 кг картофеля и другие продукты) и сообщалось, что, в случае неповиновения, деревня будет сожжена немецкими войсками [10, л. 113]. Помимо фиксированных натуральных налогов крестьяне, под угрозой конфискации, должны были сдать конские хвосты, гривы, козью шерсть [5, л. 71].

Ряд документов характеризует оценку оккупационными властями местных ресурсов, стремление их использовать максимально полно. В разное время администрация различных административно-территориальных единиц производила мониторинг количества и качества скота, посевов, сельскохозяйственного инвентаря и рабочей силы [6, л. 21 – 26, 161 – 162, 169, 171, 175 – 179; 8, л. 16; 11, л. 444; 14, л. 140]. Сельскохозяйственный комендант Быховского района весной 1942 г. давал наставления руководителям общинных дворов относительно организации полевых работ, распределения лошадей в общине. Предписывалось пропорционально распределить лошадей между крестьянскими дворами и конкретными земельными наделами, удобрить землю, провести проверку всхожести семян. В населенных пунктах, испытывающих дефицит тяглой силы или мужских рук, предлагалось организовать товарищества по совместной обработке земли, которые произведут обработку и засев, а урожай будут убирать индивидуально, дворами. Интересно, что уже в апреле 1942 г. германский чиновник признавал дефицит лошадей и рекомендовал производить вспашку с помощью быков, волов и коров [10, л. 62 – 64].

В переписке подразделений местной администрации по вопросу выполнения постановлений немецких властей о распределении сенокосов, приусадебных участков, видны противоречивые подходы относительно взимания (или нет) натуральных налогов с приусадебных участков [10, л. 100; 8, л. 37; 12, л. 103; 6, л. 56].

Попыткой стимулировать сдачу натуральных налогов являлось предоставление им сельхозинвентаря. Так, в Могилевском районе крестьянам, выполнившим обязательные поставки продуктов, выдавались во временное пользование плуги [3, л. 73].

В трофейных документах видны масштабы сопротивления крестьян натуральным налогам, а также действия глав сельской администрации. Например, в приказе по пропойскому районному управлению от 21 июля 1942 г., помимо констатации прекращения поступлений из сельских общин яиц, молока и других продуктов, содержалось объяснение старостами и волостными бургомистрами причин этого. Невозможность исполнять натуральные налоги, трудовую повинность объяснялась активностью партизан. Глава районной администрации подозревал своих подчиненных искажением фактов и обещал верифицировать полученную информацию путём опроса жителей, наказав глав низового звена администрации как пособников партизан [13, л. 72].

Ряд документов касаются привлечения сельского населения к различным работам в рамках исполнения обязательной трудовой повинности: сбор коры, различных лекарственных трав, очистка леса и заготовка древесины, ремонт мостов, очистка дорог от снежных заносов, дежурство на железной дороге, гужева повинность [13, л. 91, 126; 1355, л. 74, 301; 4, л. 3, 111; 6, л. 40 – 43 об., 173 – 174 об., 159].

Таким образом, захваченные партизанами трофейные документы, хранящиеся в настоящее время в Национальном архиве Республики Беларусь, представляют значительную ценность для реконструкции событий оккупационной повседневности на локальном примере. В одних случаях они являются важным дополнением к комплексу документов по конкретному региону, хранящемуся в областном архиве, в другом случае могут быть единственной альтернативой в виду отсутствия аналогичных документов в соответствующем областном архиве. Не меняя в целом восприятие оккупационной повседневности в масштабах всей Беларуси, трофейные документы обогащают новыми фактами и примерами по истории конкретного региона.

1. Документы по истории Великой Отечественной войне в государственных архивах Республики Беларусь (1941–1945). Справочник. – Дрезден – Минск – Грац, 2003. – 592 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1342.
3. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1343.
4. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1344.
5. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1345.

6. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1346.
7. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1347.
8. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1352.
9. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1353.
10. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1354.
11. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1355.
12. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1356.
13. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1357.
14. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1359.
15. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1365.
16. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1390.

Кулинок С.В.

ОСОБОЕ ФОРМИРОВАНИЕ СС ОСКАРА ДИРЛЕВАНГЕРА В БЕЛАРУСИ: ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Война Германии против СССР изначально планировалась как широкомасштабная истребительная кампания. Логическим продолжением геноцидной стратегии стала нацистская оккупационная политика. Важнейшими составными частями ее были ликвидация восточноевропейского еврейства, убийства и обречение на смерть пленных красноармейцев, сожжение деревень и уничтожение их жителей, организация голода по отношению к гражданскому населению и экономическое ограбление, доведение людей до смерти через физический труд [1, с. 316–321].

Особое место в вопросе карательной деятельности среди воинских частей и формирований СС принадлежит подразделению под командованием Оскара Дирлевангера.

Это подразделение было создано в рамках акции «Браконьер» и первоначально состояло из осужденных лиц, в первую очередь браконьеров. Местом сбора осужденных охотников определили базу 5-го полка частей СС «Мертвая голова» – в концлагере Заксенхаузен, рядом с Ораниенбургом. Пройдя ускоренную подготовку, особая команда в сентябре 1940 г. прибыла в оккупированную Польшу. Браконьеры поначалу охраняли еврейские рабочие лагеря в Старом Дзикове и Бельжеце, а затем переключились на борьбу с польскими движением Сопротивления. В этих боях они приобрели навыки антипартизанских действий, попутно грабя и жестоко убивая местное население.

В конце зимы – в начале весны 1942 г. наиболее тяжелая обстановка сложилась в тылу центрального участка Восточного фронта. Недостаток охранных сил не позволял немцам вести активные контрпартизанские действия. Начальник тылового района группы армий «Центр» генерал от инфантерии Макс фон Шенкендорф отмечал серьезные угрозы, со стороны партизанского движения. Для борьбы с партизанами на территории Восточной Беларуси было направлено и подразделение Дирлевангера.

Вопросы тактики определялись Дирлевангером в зависимости от сложившейся обстановки. Но каким бы ни было положение, он стимулировал жестокость у своих подчиненных, толкал их на совершение преступлений и сам принимал в них участие. Как вдохновитель и организатор карательных акций, он придерживался геноцидной линии поведения.

Методика истребления гражданских лиц сложилась у Дирлевангера не сразу. Опыт приходил постепенно. Многие также зависело от формы оперативных действий. Так, при проведении крупных операций (*Großunternehmen*) карательные меры обычно применялись вслед за боевой фазой, когда повторно прочесывалась местность. Зондеркоманда СС, заняв после боя населенный пункт, прежде чем его покинуть, придавала огню все жилые строения и убивала всех, кто в нем находился. Этот прием использовался 8–13 мая 1942 г. в операции против Кличевского партизанского соединения. В те дни дирлевангеровцы сожгли деревни Суша, Ольховка, Развадово и Усакино (Кличевский район Могилевской обл.) [2, л. 210–211; 9, л. 124; 10, л. 218; 12, л. 28–32].

В рамках малых операций по борьбе с партизанами (*Kleinunternehmen*), суть которых чаще всего сводилась к проведению оперативно-войскового поиска и разведки, частота разрушений сел и деревень, осуществленных особой командой СС, почти не снижалась, хотя перед личным составом ставились задачи, не позволявшие сильно отвлекаться на экзекуции. Так, 22 июня 1942 г. солдаты опустошили деревню Новый Городок (Кировский район Могилевской обл.). Спустя несколько дней, во время поисковых мероприятий, исчезли в огне деревни Будище, Закутье, Куты и Малые Белевичи (Могилевский район Могилевской обл.). 19 июля 1942 г. превратилась в пепел деревня Ветренка (Быховский район Могилевской обл.), хотя эсэсовцы должны были найти сбитый немецкий самолет и спасти летчиков [5, л. 174; 8, л. 19–20; 11, л. 197, 218; 141, л. 130–131].

Формирование Дирлевангера также практиковало налеты (*Überfall*) на населенные пункты. Целью этих внезапных нападений являлись захват и ликвидация партизанских штабов, небольших гарнизонов, складов и т.п. Однако часто налеты карателей совершались только для того, чтобы грабить и уничтожать деревни. Так, 17 ноября 1942 г. батальон СС совершил налет на де-